

РИСУНОК ЕКАТЕРИНЫ ЛЕБЕДОВОЙ

КЛАРА

СЕРГЕЙ МАСЛОБОВ

«Ремонт не действие. Это — состояние. Его нельзя закончить. Из ремонта можно только выйти», — писал Виктор Конечский. Вот и мы наконец вышли из этого жуткого состояния. И, чтобы как-то проститься со славным городом Антверпеном перед плаванием, шумной толпой завалились в кабак.

«Море пива и чего-нибудь пожевать», — попросили мы по-русски подскочившего к нам маленького, верткого бельгийца. Мне всегда было интересно, как человек, не знающий русского языка, в таких ситуациях понимает все с полуслова. Похоже, профессионал — он в любом деле профессионал...

Крошечный подвальчик на несколько столиков. Барная стойка. Камин в углу. Такая вот бельгийская забегаловка. Сдвинув столы, мы стали рассаживаться. Маленький бельгиец,

оказавшийся хозяином заведения, убедился, что все удобно устроились, и закричал через весь подвальчик: «Клара! Клара!» — и потом еще что-то по-французски. И тут мы увидели чудо! Откуда-то из глубины кухни, раздвинув занавеску, в зал вошла женщина! Нет, она словно выплыла в него. Чуть за тридцать. Роста выше среднего. Полненькая, но так, только самую малость. Сложена идеально. В широкой юбке до пят, подвязанной белым, хрустящим фартуком. В блузке с глубочайшим декольте. Настолько глубоким, что сердце замерло при виде необъятной, колышущейся в такт движению груди... Но главное — в руках она несла десять кружек пива. Десять! Никакого подноса. Каждым пальцем по кружке. И пиво словно застыло в стекле, а все, кроме него, так и играло... Эффект потрясающий.

По первой выпили залпом. И тут морячки стали пытаться повторить то, что Клара делала легко и игриво, — поднять десять кружек. Оказывается, даже крепкому мужчине не под силу их поднять, не пролив. Пытались все и по несколько раз. Залили весь стол. Хорошо, что хозяин особо не возражал.

Клара, с интересом наблюдая за происходящим, с обворожительной улыбкой предложила для начала потренироваться на пустых. Оказалось, что тут целая наука. Нужно расставить кружки в определенном порядке. Правильно растопырить пальцы. А поднимать рывком. После ее «мастер-класса» электро-механику все-таки удалось поднять их все сразу. За что он был удостоен поцелуя в щеку. Но удержать на весу пустые кружки он долго не смог.

Пока Клара тренировала нас, хозяин таскал и таскал пиво. Правда, делал это с помощью подноса.

Вскоре все утомонились и уже сидели вместе. К нам присоединился даже повар с кухни, жаривший для нас бельгийские колбаски. А когда пиво окончательно ударило в голову, я, мешая русские и английские слова, стал рассказывать Кларе о далекой и заснеженной России. Но она знала только французский. И все равно, глядя в ее огромные глаза, я нисколько не сомневался, что она понимает меня. Подперев по-бабьи щеку кулачком, она внимательно слушала, изредка кивая. Я забыл, что разговариваю с бельгийкой — такая шла от нее теплота...

И тут мои мужики запели. А второй механик у нас из-под Полтавы. И голос у него! А песни украинские раздольные, что нет им ни конца ни края.

За окошками выл атлантический циклон, в камине потрескивали поленья. В бескрайнем небе над подвальчиком плыл месяц и был таким ярким, что хоть иголки собирай.

Я смотрел на Клару — она пела вместе со всеми, непонятно на каком языке. Но мотив выводила правильно. Вот оно как бывает. Государства. Границы. И маленький кабачок на окраине Антверпена, где восемь русских моряков, два бельгийца и бельгийка поют украинскую песню.

А на следующий день пронзительное завывание судовой сирены пыталось разорвать непролазный туман. Лоцман просил сбавить ход. Да куда там! На носу Новый год, и во что бы то ни стало надо успеть домой. Но мысли все еще рвались назад. К берегу, где осталась Клара... ❖